

Мигрилишвили Светлана Корнеевна

Светлана Корнеевна – ветеран Афганистана. Она поехала в эту далекую чужую страну по своей инициативе в самый разгар кровопролитной войны. Женщиной двигала решимость быть именно там, где труднее всего выполнять свой гражданский долг.

Война оказалась жестоким, коварным, несправедливым делом и совсем уж не женским. Не раз приходилось смотреть смерти в глаза: обстрелы, взрывы, налеты, смерть коллег и солдат. Светлана служила в штабе секретной переписки, на таких была настоящая охота.

О Светлане Корнеевне была написана статья в «Курской правде» под названием «Со всем не женская судьба». Автором статьи была Нина Потапенко, редактор районной газеты «Время и мы» Мантуровского района.

Когда умер отец, Свете был всего годик от роду. Мама осталась вдовой с шестью детьми на руках, и надеяться на второй брак с таким «приданным» ей не приходилось, а потому любой труд до изнеможения, борьба за выживание стали образом жизни для Светиной мамы. В заботах типа «одеть-накормить» некогда было думать о воспитании, потому все дети были достаточно самостоятельны и ориентированы в любой ситуации, всегда могли за себя постоять, а Света была сущим сорванцом.

Озорной ребенок вырос в непослушного подростка, частенько «навещавшего» чужие сады, затем превратился в очень симпатичную, но совершенно неуправляемую девушку. Что она только не делала! Прыгала с парашютом с вышки, дралась с ровесниками, блуждала в лесу, а потом сама же через сутки находила дорогу... Приключениям не было конца! Мать и сестры всерьез беспокоились о дальнейшей судьбе девушки, выборе профессии, понимали, что никакое учебное заведение не станет терпеть подобного поведения. Укрощение строптивой произошло случайно. Сестра Светланы работала в военкомате и, когда в набор на военную службу по призыву стали включать и девушек, предложила младшей попробовать. Так как у Светы никаких особых планов на ближайшие годы не было, она с легкостью согласилась. Прошла медкомиссию, представила документы и узнала, что соответствует предъявляемым требованиям и может прощаться с родными. Готовя документы к отправке, старый военком, балагур и весельчак, грустно вздохнул: «Когда женщины берутся за оружие, становится страшно...»

Девушка могла выбрать где ей служить: остаться в своем городе Стрельтомаке (Башкирия) или ожидать отправки в Германию. Первый вариант Свете больше понравился: во-первых, близко к родным; во-вторых, форму выдают сразу же, а в Германии еще долго ждать придется. Так в воинской части 21329, специализирующейся на топографии, появился новый штабной писарь.

За годы срочной службы Светлана была наказана дважды. В обоих случаях за то, что, будучи в увольнении, при встрече с офицером не отдала честь, а перешла на другую сторону улицы. Однако дисциплинарное наказание — ничто по сравнению с запомнившейся на всю жизнь церемонией — принятием присяги.

Порядок официального принятия присяги новичками известен всем, а вот неофициального... Света жила в комнате с тремя другими девушками (две связистки и фотограф). И вот однажды под окном раздались возгласы: «Что вы тут сидите? Там на кухню соленые помидоры завезли! Берите чашку побольше и — айда!» Переведенная с домашней еды на перловку Света схватила самую большую миску и вихрем понеслась на кухню. А здесь ее уже ждали старослужащие. Ничего не понимающую девушку уложили лицом вниз на длинный стол и «всыпали» ремнем с бляхой по «пятой точке», а напоследок, по ней же, еще и три раза огромным алюминиевым черпаком припечатали.

После этой «присяги» Светлана неделю сидеть не могла...

За два года срочной службы Свете так и не удалось выпить сладкого чаю или компота. Кто-то неуловимый всегда умудрялся насыпать в ее стакан соли. Девушка просила и отдельно наливать ей чай, и внимательна была за столом во время обеда. Результат тот же! Оказалось, что насолить красавице решил сам повар — молодой грузин, симпатизировавший Светлане и не знавший, как обратить на себя внимание девушки. Он-то и станет потом мужем Светы.

По истечении срока службы Светлана осталась на сверхсрочную. Муж был не против такого решения, ведь служили молодожены вместе, в одной части. Общие интересы, армия сослужили хорошую службу молодой семье, укрепили ее, сплотили. Очень скоро в семье Мегерешвили родилась дочка. Ей был всего годик, когда мама и папа поехали в отпуск в Батуми, в гости к родителям папы. Через несколько дней после приезда у родственника в соседнем селении должна была быть свадьба. Мегерешвили ехали к родным ночью, чтобы помочь им с последними предсвадебными хлопотами. Горный серпантин — опасный участок трассы, а ночью и в дождь становится вдвойне опасным. Встречная машина ослепила водителя, и «легковушка» слетела с мокрой дороги... В этой аварии погиб муж Светы. Сама она получила множественные переломы рук и ног, сломала ключицу, все лицо и грудь были в порезах от осколков стекла, но что такое физическая боль в сравнении с душевной раной?...

... Прошло время. Вдвоем с потерявшей отца дочкой Светлана уехала в Среднюю Азию, в Узбекистан, на родину своего отца, устроилась работать на военный завод. Ее обязанностью было ведение секретной переписки. Именно здесь, зная о ее военном прошлом, Светлане Мегерешвили предложат поехать служить в Афганистан.

Незадолго до отправки в Афганистан Светлана Корнеевна выдала дочку замуж. Единственное чадо еще в детстве выбрало в мужа одноклассника, поэтому свадьба не стала неожиданностью, а, наоборот,

логическим продолжением их отношений. До самой свадьбы мама не говорила дочери о предстоящем отъезде, девушка ничего не знала о многочисленных проверках, проводимых различными службами Комитета государственной безопасности, которым подвергалась мать. Накануне бракосочетания секрет открылся. Слезы — рекой... Как когда-то в детстве, дочка вцепилась двумя руками в платье матери и не отпускала от себя ни на шаг, хотя дата отъезда еще не была известна. Как утешить, объяснить, пробиться к затопленному слезами разуму!? Стоит ли говорить о безнадежно тяжелом материальном положении? О том, что затраты на свадьбу поглотили последние скудные сбережения? Надо ли сеять в душу любящей невесты зерна вины перед матерью? Зачем? Вытирая ладошкой слезы, обнимая, мать рассказывает девушке, что оставляет ее не одну, что рядом с ней будет любимый — надежда, защита и опора, а потом на свет появится тот, о ком пока еще не знает никто, и тогда грусть и тоска по матери забудутся...

Как в тумане прошла свадьба. Вслед за ней, как будто специально ожидая, пришло разрешение на вылет. Казалось бы, все устроено: дочка замужем, живет в семье мужа и ждет ребенка, а больше ничего в Союзе Светлану не держало. Она улетела в Кабул.

Кто же знал, что семейное счастье и благополучие дочери — замок на песке... Новоиспеченный муж, узбек по национальности, был сыном не только состоятельных, но и очень влиятельных в Узбекистане родителей. Его родня рьяно придерживалась патриархального уклада жизни, потому рассчитывала на выгодный во всех отношениях брак и потихоньку подбирала подходящую невесту. Для таких любовь — не аргумент! Тем не менее сын отстаивал свое право выбора, несмотря на строгое воспитание и уважение к старшим, не изменил своего решения. Со временем семья жениха согласилась на свадьбу, но была далеко не рада новой родственнице, выразив свое «фи» одной лишь фразой: «Мог бы выбрать кого-то получше, чем эта русская!» (это она-то — грузинка по отцу и башкиро-узбечка по матери — русская!)

Итак, противостояние закончилось свадьбой. Они уступили сыну, но не сдались. Как живет молодая жена в доме его родителей, мужа не волновало — он строил карьеру (причем весьма успешно — в дальнейшем станет депутатом Верховного Совета Узбекистана). Неподчинение, возражение, собственно, как и незнание невесткой местных традиций и национальных обрядов каралось одинаково. Семейное рукоприкладство и в России до сих пор еще не изжито, что же говорить про Среднюю Азию...

Через год, получив свой первый афганский отпуск, Светлана Корнеевна летела из Кабула в гости к дочке и маленькому внуку. За стеклом иллюминатора мохнатые облака, сказочный пейзаж... Светлана, отвернувшись от пассажиров, смотрит в окно, но видит не взбитые, словно крем, тучи, а совсем другое... Видит непроглядную, как сама безнадежность, афганскую ночь, которую огненным пунктиром прошивают пули. Это те, кто еще несколько часов назад угодливо улыбался русским и величал их «шурави», под покровом ночи взяли в руки оружие, чтобы напасть на

спящий гарнизон. Череда цинковых гробов, в них сослуживцы и друзья, не пережившие той страшной ночи... Скорбные поминки: водка, стопки, накрытые кусочками черного хлеба, посередине — граната Ф-1. Взрыватель предусмотрительно выкручен, и на его месте колышутся под сухим ветром-афганом четыре чахлых цветочка... Эта пустая «лимонка» и сейчас с ней среди скромного багажа как страшный сувенир, как напоминание о том, чего и так никогда не забыть.

Позади остались выжженная войной и солнцем чужая земля, погибшие под вражеским обстрелом товарищи, «черный тюльпан», увозивший свой страшный груз.

Впереди — встреча с самыми дорогими людьми. Она никак не ожидала увидеть вместо двадцатилетней красавицы-дочери изможденное, уставшее от жизни существо. Анемия, дистрофия первой степени — это еще не все «приданое», которое сполна получила дочка в замужестве. Синяки всех цветов и ссадины разных сроков давности, потухший взгляд — теперь картина полная.

Как же так!? Ну понятно — Афганистан, там по обе стороны передовой раны, льется кровь, отрешенные лица... Но ведь там идет война! А здесь Родина, Союз — сильная благополучная, а главное, мирная страна!

Что сказать людям, у которых огромный дом с колоннами и верандами, виноградники, собственные, хоть пока и нелегальные торговые точки и кафе, и при этом избитая невестка с дистрофией, только потому, что она — русская?

Светлана Корнеевна смогла только спросить: «Неужели во всем Узбекистане не нашлось русского хлеба, чтобы накормить мою дочь?»

А дальше — словно крышу снесло: дали о себе знать «афганский синдром», недавние страшные события и простая человеческая ярость, присущая любому родителю, увидевшему издевательство над своим ребенком... Мать выхватила тот самый «сувенир»-гранату и замахнулась на «любящих» родственников. В суматохе они не успели рассмотреть, что «лимонка» пуста, а значит, неопасна. Эффект неожиданности сработал — зять и его отец одновременно рванули к оконному проему и «вынесли» собой крепкую двойную раму вместе со стеклом.

Больше «агрессивная» теща не виделась со своими родственниками. В считанные дни по объявлению в газете она обменяла свою квартиру в Ангрене (Ташкентская область) на Норильск и улетела на север, забрав дочку и внука. Развод и прочие судебные тяжбы оформлялись уже потом, почтовой пересылкой, когда Светлана Корнеевна уже вернулась в Афганистан.

... Ташкент. Конец июня 1987 года. На раскаленных улицах сорокаградусная жара, в воздухе расплавленным стеклом плывет марево. Шумный узбекский рынок сбивает с ног смешанным запахом самых разных фруктов. Так жарко, что кажется, вылез бы из собственной кожи, лишь бы стало прохладнее. До самолета еще четыре часа, и можно побродить по рынку, напоследок поесть знаменитого уз-бекского плова, поплескаться на разгоряченное лицо из фонтана на рыночной площади.

Самолет, следующий рейсом «Ташкент-Кабул» взмыл в небо. провожающих не было, встречающих — тоже...

Беспощадное солнце Кабула сразу же обожгло лица. По сравнению с афганской жарой жара Ташкента казалась легкими заморозками. Первое время прилетевшие ютились на кабульском пересыльном пункте, готовые по первому требованию отправиться в пункт назначения.

Войсковая часть 19888 — «девятнадцать три восьмерки», как все ее называли, дислоцировалась в районе Баграма. Голый пейзаж, не страна — пустыня... Синее, ближе к лиловому по цвету небо, казалось, с утра до вечера предвещает грозу. Ни облачка. Солнце с утра до вечера ослепительно белое. Поневоле вспоминается товарищ Сухов из старого советского фильма. Вот уж, действительно, белое солнце пустыни. Горизонт закрывают горы, а до горизонта — пески. Тут и огромные холмы из песка, и реальные барханы, и просто горки песка, которые ветер переносит с места на место. Растительности или вообще нет, или она такая скудная, что кажется убогим недоразумением на фоне песков. Ровные ряды ангаров несколько разнообразят скучный местный пейзаж.

В вертолетной эскадрилье Светлана Мегерешвили была не единственной женщиной, среди персонала столовой они тоже были. Представительницы слабого пола также работали и в бухгалтерии, и в санчасти.

Военный городок мало походил на гостеприимный оазис. И хотя командир гарнизона был в дружеских отношениях с самим Ахмадом Шахом, гарантировать безопасность советских людей на территории Афганистана не мог никто. Нападения на военный городок случались довольно часто и бывали достаточно серьезными. Первый раз Светлана Мегерешвили попала под обстрел душманов через пару недель своей службы «за речкой». Ей, уж совсем не гражданскому человеку, было страшно до жути в этой чужой стране, среди нищего, поголовно неграмотного, не сдающегося и не прощающего народа. Со временем она привыкла не только к стихийным обстрелам, но и к местному лицемерию. Черные, непроглядные, как осенняя вода, глаза... Часами можешь смотреть, но так и не узнаешь, что за чувства в них прячутся. Радужно улыбающиеся загорелые лица. Днем — протянутые в дружеском рукопожатии руки, ночью они же брались за ножи и автоматы. Советские военнослужащие довольно быстро освоили «афганский разговорный набор»: «бача» и «шурави» вошли в обиход. Местное население тоже вполне сносно выговаривало русские слова — «друг», «мир», «маляка» (сгущенка), «песение»(печенье, имелись в виду галеты), «тусонка» (тушенка). Люди в погонах делились едой с местными, угощали ребятишек. Солдатский «сухпай» для афганцев был недостижимой роскошью.

Служба в стране, где идет вооруженный конфликт, не может быть легкой. Светлане, как и ее однополчанам, приходилось долгими часами сидеть в укрытии, спасаясь от обстрела, жить в наспех вырытых землянках, голодать, когда задерживались поставки продуктов.

...Новый 1989 год вертолетная эскадрилья встречала «натошак». Афганская война подходила к концу, чуть больше месяца оставалось до вывода войск с территории «дружественной» республики, и поставки продуктов стали нерегулярными. В столовой войсковой части «девятнадцать три восьмерки» из еды были только заспиртованные на грядущие десять лет батоны и консервированный борщ в стеклянных банках, который никто не хотел есть ни добровольно, ни принудительно. «Инициативная» группа, испросив разрешения у командира, поехала в Баграм на рынок покупать еду к праздничному столу.

Обычно если покупали продукты у местного населения, то не ели сразу, выдерживали, чтобы те «отстоялись», по дальнейшему «поведению» покупок было видно, отравлены они или нет. Но в этот раз некогда было ждать. Неожиданно начался обстрел, часть гарнизона вынуждена была укрыться в бомбоубежище и провести там несколько суток. Там, в темноте и холоде, встретили Новый год, на «праздничном» столе из еды только купленные на местном рынке апельсины.

Результат «новогоднего пира» — повальная дизентерия. Апельсины оказались отравленными. Половина гарнизона на личном опыте узнала, что такое обезвоживание. Оставить безнаказанным такое было нельзя.

Когда опасность миновала и пострадавшие покинули госпитальные койки, начальник гарнизона выделил два бэтэра и отправил на рынок тех, кто купил злосчастные фрукты. Конечно, торговцы не пострадали, но весь товар был смят, втопан в песок колесами бронетранспортеров.

Светлана Корнеевна вернулась в Союз с выводом советских войск из Афганистана в феврале восемьдесят девятого. Она награждена знаком почета за службу в Туркестанском военном округе, медалью «70 лет Вооруженным Силам», медалью «За трудовое отличие», имеет благодарность от афганского командования.

Позади — двадцать шесть лет военной службы, из них два года в Афгане. Впереди — мирная жизнь. В Узбекистане ее никто не ждал, и женщина уезжает в Норильск к дочери и внуку. Но мечтам о мирной жизни и роли хлопотливой бабушки все еще не суждено было сбыться. Еще десять лет Светлана Корнеевна не выпускала из рук оружия. В лихие девяностые, время безвластия и разгула преступности, она работала в дирекции по экономической безопасности и отвечала за личную охрану генерального директора огромного предприятия «Норильский никель».

Шесть лет назад, когда Светлана Корнеевна вышла на заслуженный отдых, она переехала по совету знакомых в Ястребовку, купила небольшой домик и обосновалась на новом месте. Однако заниматься исключительно садоводством и огородничеством этой деятельной женщине показалось скучным. Она не мыслит своей жизни без работы, без постоянного общения с

людьми. Теперь Светлана Корнеевна заведует прачечной в Ястребовской участковой больнице и работает санитаркой в отделении «скорой помощи». Кроме того, она избрана председателем Ястребовского совета ветеранов войны и труда.

Дочка так и живет в Норильске, а вот внук — здесь, рядышком. Саша заканчивает институт в Старом Осколе. Удивительно, но отец и сын через двадцать лет разыскали друг друга. Влиятельный, как и в былые годы, папа, прежде не интересовавшийся судьбой своего ребенка, стал проявлять горячую любовь и звать сына к себе в Узбекистан на постоянное место жительства. Двадцатитрехлетний внук, конечно, вправе сам решать свою судьбу, но бабушку все это очень волнует. Не может теща простить бывшего зятя за те унижения, которые перенесла от него дочь. Впрочем, говорят, что время лечит. Всякое бывает...